

12+

Фёдор Овчинников

ХОДЖА НАСРЕДДИН

ПЯТЫЙ ВИЗИРЬ

ХАРУНА АР-РАШИДА

Фёдор Овчинников

**Ходжа Насреддин. Пятый
визирь Харуна ар-Рашида**

«Издательские решения»

Овчинников Ф. С.

Ходжа Насреддин. Пятый визирь Харуна ар-Рашида /
Ф. С. Овчинников — «Издательские решения»,

Молодой Ходжа Насреддин приезжает в Багдад и случайно спасает самого Харуна ар-Рашида от его же городской стражи. В награду халиф приглашает его во дворец и поручает ему найти исчезнувший золотой кубок — дело, с которым не справились четыре великих визиря. Поиск приводит Насреддина от мелких взяточников и продажных свидетелей к заговору в самом сердце дворца. Ходжа, которого никто не назначал пятым визирем, оказывается единственным, кто достаточно умён и свободен, чтобы им стать.

© Овчинников Ф. С.

© Издательские решения

Содержание

◆	6
◆	8
◆	13
◆	20
◆	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ходжа Насреддин. Пятый визирь Харуна ар-Рашида

Фёдор Сергеевич Овчинников

© Фёдор Сергеевич Овчинников, 2026

ISBN 978-5-0071-3355-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Власть подобна наполненной чаше:
слабый роняет её,
жадный расплёскивает,
мудрый делится с другими»*

#

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Багдаде в ту пору стояла неслыханная жара. В полдень под палящим солнцем, казалось, готовы были расплавиться даже медные кумганы в чайханах вокруг главной площади. Выложенный мозаикой водоём неподалёку высох до дна. Торговцы закрыли лавки и прятались в тени; во всём Багдаде почти не осталось места, где можно было укрыться от солнца. Чайхана была спасением, тем оазисом прохлады, который собирал под своим навесом довольно пёстрый народ: купцы, менялы, писцы, служивые люди и ремесленники всех мастей. Они лежали на одеялах, лениво позёвывали и всё же не переставали спорить, перекикиваться, ругаться, смеяться и обсуждать последние городские слухи. В тени, неспешно наливая себе чай, сидела пара шпионов одного из визирей государя, пытаясь выхватить неосторожную фразу или даже взгляд для доноса. Это было непросто, ибо за вольнодумство наказывали жестоко и люди предпочитали держать язык за зубами. Гул голосов был похож на жужжание улья, воздух дрожал от жары. В Багдаде всё шло своим чередом.

Когда под навес вошёл ещё один утомлённый дорогой путник, никто не поднял головы и не обернулся. В его внешности не было ничего примечательного. Судя по одежде, он мог быть и небогатым кади, и разбогатевшим писцом. Халат его не был рван, лишь немного поношен и запылён. Лицо его было украшено небольшой чёрной бородой, но и только. Глаза были веселы и сверкали. Примечательна была лишь огромных размеров книга, заткнутая за расшитый пояс. Он уселся поодаль, скромно, и лишь спустя время (немалое!) хозяин чайханы принёс ему медный чайник и, аккуратно поставив его рядом, удалился.

Размеренный гул, тем временем, был нарушен. Отринув от себя полуденную лень, жарко спорили два почтенных купца, судя по всему, хорошо знакомые друг с другом.

— Рахим, ты не хуже меня знаешь, что законы в Багдаде исполняются неукоснительно благодаря стараниям главного судьи, да благословит его Аллах.

— Старая песня, Муса! Ты славись главного судью, потому что мы оба прекрасно знаем, как работает здесь закон. Ты продал мне десять кип шерсти, и я заплатил по договорённости, а на проверку весь товар оказался гнилым! Уж не знаю, оставил ли ты её под дождем или твоя шерсть хранилась прямо на земле — дела это не меняет. Расскажи лучше, какими дверями ты воспользовался, чтобы наш почтенный главный судья рассудил наш спор в твою пользу? Сколько ты ему заплатил?

Муса задохнулся от гнева и молчал, выкатив белки глаз. Наконец, кровь отлила от головы, и он медленно перевёл дух:

— Клевета! И на кого — на главного охранителя порядка в наших местах! Хула на почтенного служителя закона! На этот раз ты не отделаешься деньгами.

— Да поразит Аллах молниями тебя и твою торговлю, в этот раз я готов. У меня тоже есть кое-какие связи во дворце, и мы посмотрим, кто из нас останется в дураках, Муса!

Казалось, ещё мгновение — и они кинутся друг на друга, но тут их прервал незнакомец.

— А рассказывают ещё и такое, — вмешался путник, сидевший между ними, как меж двух огней. — Два почтенных торговца заключили сделку: они хотели обменяться хлопком и железом равного веса. На двух пудах железа сошлись, а сколько дать взамен хлопка — никак не могли договориться. Один из них утверждал, что два пуда руды куда тяжелее двух пудов каких-то воздушных белых волокон. Другой же, очевидно, пытаясь вразумить его, доказывал, что два пуда что хлопка, что золота, что железа — это суть одно и то же. Они пошли к достопочтимому судье и изложили свой спор. Судья подумал с минуту и запустил в продавца железа огромным комком хлопка, а в его соперника — увесистыми ножницами, которые всегда были у него под

рукой. Да так ловко, что попал чуть ли не прямо в голову купцу. Каждый получил по своей вере, на том суд и закончили.

На мгновение в чайхане воцарилось молчание: каждый будто пытался постичь мудрость судьи. Потом помост зашатался от смеха. Смеялись все: и хмурые ремесленники, и надменные писцы, и Рахим с Мусой, даже шпионы не смогли подавить улыбку.

— Скажи скорее, о незнакомец, — выговорил сквозь смех Рахим, — как же закончилась их сделка?

— О сделке ничего сказать не смогу, почтенный, но судью вскорости посадили на кол по указу государя! И, заметь, кол был далеко не из хлопка!

Рахим замахал руками, пытаясь отдышаться:

— Скажи же своё имя, путник, так удачно подковавший свой разум гвоздями остроумия?

— Моё имя Ходжа Насреддин.

— Что ж, Насреддин, садись ближе, выпьем чаю. Ты, верно, издалека. Ни лошади, ни верблюда, ни осла, ни поклажи — значит, не торговец. Молод, сметлив... Не ищешь ли работы? Такой человек мог бы пригодиться мне, скажем, в суде, — громко добавил Рахим, покосившись на Мусу.

— Работы я не ищу, но и мимо удачи не прохожу, — ответил Насреддин.

— Мудро не по годам, однако имя твоё мне незнакомо. Откуда же ты прибыл?

— Я пришёл из великолепной Бухары. А в Багдад направился за мудростью. Говорят, здесь её достаточно даже для приезжих. И да, ты прав, почтенный: я молод, мне ещё нет двадцати пяти. Но главное достоинство я в себе уже воспитал.

— Какое же?

— Я люблю жизнь! И она, надо сказать, отвечает мне взаимностью.

Так отвечал Насреддин своему новому знакомому, купцу Рахиму. И сила этих последних слов была столь велика, сколь и просты были сами слова. В чайхане каждый будто занимался своим делом, однако один человек не упустил из этой беседы ни слова. Сегодня он был гончаром с руками в глине, вчера — муллой в белом одеянии, завтра мог стать стражником, отдыхающим в тени. Он появлялся в разных местах и под разными личинами, и мало кто узнавал его в лицо.

Звали его Харун ар-Рашид.

#

ГЛАВА ВТОРАЯ

Харун ар-Рашид в те времена был ещё молод, крепок телом и твёрд духом. Он был высок, хорошо сложен и в прежние годы не раз выходил с саблей против врага. Теперь сабля чаще покоилась в ножнах: после походов на византийские пределы настали годы мирные и сытые, а халифат расцвёл и вступил в пору, которую много позже назовут золотым арабским веком.

Столица его сияла золотом, бурлила людьми, растекалась на великое множество улиц и переулков и стояла грозно, как само провидение, защищённая мощными каменными стенами. Летописцы утверждали, что в ту пору Багдад населял едва ли не миллион жителей. Летописцы вообще склонны преувеличивать всё, кроме собственных ошибок, однако мало какой город во всём свете мог соперничать с блистательной столицей Харуна ар-Рашида.

Жители Багдада любили своего повелителя. Во всяком случае, именно так утверждали дворцовые писцы, поэты, советники и прочие достойные люди, чьё благополучие напрямую зависело от силы этой любви. Сам Харун был действительно щедр, храбр и справедлив, но не настолько доверчив, чтобы судить о положении дел по славословиям тех, кто получал жалованье из его казны.

У государства имелось множество глаз, однако все они почему-то смотрели туда, куда им указывали визири. У государства имелось множество ушей, но слышали они преимущественно речи, приятные государю. Что же касается языка, то он был один и принадлежал тому, кто входил к повелителю с докладом.

По старинному обычаю рядом с престолом Харуна находились четыре великих визири. Иные придворные тоже величали себя визириями и порою даже требовали соответствующего почтения, но настоящую власть имели только четверо.

Первым и старшим среди них был Абу Амин. Он хранил государственную печать, ведал указами, назначениями и всеми теми бумагами, благодаря которым человек, ещё вчера бывший никем, сегодня становился правителем провинции, а завтра — узником подземной темницы.

Второй визирь, Юсуф ибн-Сахль, распоряжался казной, податями и торговлей. Говорили, что он мог услышать звон упавшего динара из другого конца дворца, особенно если динар падал не в его карман.

Третий, Касим аль-Марвази, надзирал за судьями, городской стражей и тюрьмами. Он знал законы государства столь досконально, что всегда мог найти среди них тот, который был ему необходим.

Четвёртый визирь, Халид ибн-Хамдан, ведал армией, границами и наместниками дальних земель. В отличие от своих товарищей, он гораздо лучше понимал язык меча, нежели язык дворцовых интриг, и потому пользовался при дворе уважением, но редко — доверием.

Каждый из троих последних держал в руках немалую часть государства, однако ни один не мог назначить человека на должность, утвердить указ или привести в движение войско без печати первого — Абу Амина. Сам он не распоряжался ни казной, ни судами, ни армией, но от него зависело, в чьих руках окажутся монета, весы и меч.

Его разума хватило бы на дюжину обыкновенных визирей, а умение видеть и использовать в своих целях тончайшие нити дворцовых интриг было главным его талантом. Если двое придворных вечером шептались за колонной, к утру Абу Амин уже знал, о чём они говорили, а к полудню — зачем.

Так Абу Амин возвышался над остальными тремя, уступая во власти лишь самому повелителю правоверных. Через его руки проходили государственные бумаги, а вместе с бумагами — тайны, просьбы, доносы и чужие судьбы.

Там, где не помогал кинжал, в ход шло зелье; где не помогало зелье — клевета, а если бессильной оказывалась и она, всегда находился писец, способный добавить в старую бумагу несколько новых строк. Дворец часто напоминал кипящую массу людей — служивых и начальствующих, военных и духовных, великих мудрецов и отвратительных проходимцев. И в центре этого котла, в самом пекле, неизменно находился Абу Амин.

Харун ценил его ум, пользовался его услугами и не доверял ему. Впрочем, в полной мере государь не доверял никому из своих визирей. Именно поэтому время от времени он переодевался простолюдином и выходил в город без охраны, желая своими глазами увидеть, что творится в его возлюбленном Багдаде. Советники считали эту привычку опасной, визирь — оскорбительной, а начальники городской стражи — особенно неприятной. Никто из них не знал, в какой день повелитель правоверных окажется рядом и услышит то, чего слышать ему совершенно не полагалось.

Именно во время одной из таких прогулок Харун и оказался в чайхане на главной площади, где услышал разговор Насреддина с Рахимом.

К вечеру жара понемногу отступила. Солнце всё ещё висело над городом раскалённым медным щитом, но тени от домов стали длиннее, торговцы начали открывать ставни, а уличные собаки перестали обвинять небо в своих страданиях и выбрались из-под повозок.

Насреддин допил чай, расплатился несколькими мелкими монетами и поднялся. Из-за расшитого пояса выглядывала толстая книга в потемневшем кожаном переплёте, страницы которой были испещрены непонятными письменами, чертежами небесных светил и знаками, не похожими ни на один известный алфавит. Сам Насреддин утверждал, что с её помощью можно узнать прошлое, увидеть сокрытое и предсказать будущее. Правда, он никогда не уточнял, заключалась ли эта удивительная способность в книге или в её владельце. Простившись с Рахимом и ещё раз заверив, что сообщит, если всё-таки надумает искать работу, молодой бухарец покинул чайхану.

Харун подождал немного и последовал за ним. Он сам ещё не вполне понимал, что именно заинтересовало его в этом молодом человеке. Насреддин не сказал ничего такого, чего государь не слышал бы раньше от поэтов, мудрецов и странствующих дервишей. Но поэты говорили о любви к жизни за деньги, мудрецы — ради почтения учеников и последователей, а дервиши — потому, что, кроме собственной жизни, за душой у них ничего не было. Насреддин же произнёс это так, словно состоял с жизнью в давнем сговоре.

На площади он повернул к Медным рядам. Харун держался поодаль, не выпуская из виду запylённый халат и большую книгу. Однако возле ряда лавок дорогу ему перегородила телега с дынями, затем навстречу двинулось стадо коз, среди которых, судя по их поведению, не было ни одной воспитанной, и на несколько мгновений Насреддин исчез из виду.

Зато совсем рядом послышались крики.

Четверо городских стражников окружили старого водоноса. Рядом стояли два больших кожаных бурдюка. Один валялся на земле, медленно выпуская воду в пыль. Сухая земля жадно впитывала драгоценную влагу, нисколько не интересуясь, уплачена ли с неё положенная подать.

— Я уже заплатил утром! — повторял водонос. — Вот знак сборщика, почтенный. Посмотри сам!

Он протянул небольшую деревянную дощечку. Мансур, возглавлявший отряд стражников, лениво повертел её в пальцах и бросил на землю. Это был широкоплечий мужчина с тяжёлыми усами и недобрым взглядом.

— Утром ты заплатил за день, а кто будет охранять тебя вечером?

— Но солнце ещё не село!

— Потому мы и берём с тебя только половину.

— Какую половину? Ты требуешь столько же!

— Значит, те, кто стоял здесь утром, взяли с тебя вдвое меньше положенного. Поблагодари Аллаха за удачу и не задерживай честных людей.

Двое стражников засмеялись. Третий, совсем молодой, отвёл глаза.

Водонос опустил на колени, собирая рассыпавшиеся монеты. Монет было немного, и по лицу водоноса нетрудно было понять, что других у него не осталось.

— И что же вы охраняете за эти деньги? — спросил Харун ар-Рашид.

Стражники обернулись.

Он стоял в нескольких шагах от них, всё ещё в одежде гончара, с пятнами засохшей глины на руках. В его голосе не было ни гнева, ни угрозы, но Мансур сразу нахмурился.

— Мы охраняем порядок.

— От кого?

— От воров, смутьянов и людей, задающих лишние вопросы.

— И много ли в Багдаде таких людей?

— Одним только что стало больше.

Стражники снова засмеялись, но молодой опять промолчал. Харун подошёл ближе и поднял деревянный знак водоноса.

— Здесь стоит печать городского сборщика. Подать уплачена до завтрашнего утра.

— Ты, я вижу, грамотный гончар.

— Иногда полезно уметь прочесть то, из-за чего тебя собираются ограбить.

Улыбка исчезла с лица Мансура.

— Следи за языком.

— Лучше ты следи за руками. Одна из них уже тянется к чужим деньгам.

Стражник справа шагнул вперёд и ударил Харуна кулаком в живот. Удар был тяжёлым, рассчитанным на старика или ремесленника, привыкшего склонять голову. Харун отступил на полшага, выпрямился и посмотрел на него так, что тот невольно попятился.

Устыдившись перед товарищами, стражник снова бросился вперёд, целясь Харуну в лицо. На этот раз Харун перехватил его руку, вывернул и одним движением бросил нападавшего в пыль между бурдюками.

Остальные схватились за оружие.

Харун мог продолжить. В походах ему доводилось биться с людьми куда опаснее этих четверых. Но шум уже привлёк людей, торговцы начали выглядывать из лавок, а Мансур приказал:

— Взять его!

Государь не сопротивлялся.

Он решил посмотреть, куда его отведут, кому передадут собранные деньги и чьим именем прикроют разбой. Харун был спокоен: при необходимости достаточно было предъявить золотой перстень с личной печатью халифа — знак, который узнавал всякий начальник, имевший право получать дворцовые приказы.

Ему связали руки.

Во время короткой борьбы пояс сместился, и спрятанный в его складках перстень выскользнул на землю. Никто из стражников этого не заметил. Зато заметил Насреддин. Он наблюдал за происходящим из-за телеги с дынями и, едва золото блеснуло в пыли, шагнул вперёд, накрыв перстень сандалией.

Начальник отряда дождался, пока водонос соберёт рассыпавшиеся монеты, выхватил их из его ладони и ссыпал в свой поясной кошель. Харуна толкнули вперёд. Толпа расступилась. В Багдаде любили смотреть, как уводят других людей, ибо это служило убедительным доказательством того, что сегодня не уводят тебя.

Мансур служил в городской страже уже пятнадцать лет и за это время твёрдо усвоил две истины: закон следует уважать, а деньги — пересчитывать. Первую он охотно внушал другим, второй придерживался сам.

Харуна повели не к городскому судье, как он ожидал, а к реке. Там, между складами торговцев зерном и красильщиков, стояло низкое каменное здание с узкими окнами. Над дверью висела потемневшая доска с полустёртой надписью: здесь находилась тюрьма. Судя по запаху сырости, старой соломы и человеческого страха, стража трудилась весьма усердно.

Внутри находились ещё двое задержанных: мальчишка с разбитой губой и худой старик в одежде писца. Оба сидели на полу, прислонившись к стене.

Мансур вытряхнул на стол монеты водоноса и добавил их к небольшой гряде серебра.

— Запиши: добровольное пожертвование на охрану рынка, — приказал он молодому стражнику.

— Но водонос не пожертвовал их добровольно, — заметил тот.

В комнате стало тихо.

Мансур медленно повернул голову.

— Как тебя зовут?

Молодой побледнел.

— Карим.

— Давно служишь, Карим?

— Третий месяц.

— Оно и видно. Через месяц ты научишься отличать добровольное пожертвование от недобровольного. А если не научишься, четвёртого месяца у тебя не будет.

Карим поспешно склонился над дощечкой.

Харуна обыскали. Перстня при нём не оказалось.

Сначала Харун решил, что перстень забрал один из стражников. Но по их поведению было ясно: никто из них не понимал, кого привёл в тюрьму. Мансур уселся за стол, пересчитал монеты дважды и только после этого обратил внимание на пленника.

— Кто ты такой?

— Гончар.

— И все гончары теперь читают распоряжения городской стражи?

— Только те, кто не хочет дважды платить за один разбитый кувшин.

— Кто тебя послал?

— Любопытство.

— Скверный господин. Жалованья не платит, а неприятностей доставляет много.

Мансур изучал его лицо. Харун выдержал взгляд спокойно, однако стражник был не настолько глуп, каким казался на рынке. Обыкновенные ремесленники после первого же удара либо просили прощения, либо начинали ругаться. Этот человек не делал ни того ни другого. Он смотрел по сторонам, запоминал лица и слишком внимательно слушал, когда стражники называли имена сборщиков.

— Может быть, ты шпион судьи? — спросил Мансур.

— А разве судья не знает, чем занимаются его люди?

— Значит, не судьи.

Мансур задумался.

Харун понял, что игра стала опаснее. Он собирался добраться до начальника стражи или городского судьи, предъявить перстень и после этого проследить всю цепь до дворца. Но перстень исчез, а люди Мансура явно не собирались вести его к законной власти.

— Доставь меня к начальнику городской стражи, — приказал он.

Мансур удивленно поднял брови.

— Приказывает...

— Доставь меня во дворец.

Стражники засмеялись.

— Может быть, сразу к повелителю правоверных? — спросил один из них.

— Это будет быстрее, — ответил Харун. — Потому что я и есть Харун ар-Рашид.

Смех стал громче.

Даже писец у стены поднял голову. Мальчишка с разбитой губой посмотрел на Харуна с неподдельным восхищением: до сих пор он считал себя единственным человеком в тюрьме, которому ударили по голове слишком сильно.

Не смеялся только Карим. Молодой стражник внимательно смотрел на пленника, словно пытался вспомнить, где прежде мог видеть это лицо. Но Мансур хлопнул ладонью по столу.

— В подвал его. До ночи пусть посидит.

Харуна отвели вниз и заперли в тесной каменной клетке. Через узкое окно под потолком проникал мутный вечерний свет. Где-то совсем близко плескалась река. Он сел на охапку сырой соломы и впервые позволил себе спокойно обдумать положение.

За стеной разговаривали Мансур и один из стражников.

— А если его действительно кто-то послал?

— Тогда тем более нельзя вести к судье.

— Что с ним делать?

— Ночью отвезём к старой пристани. Привяжем камень потяжелее и бросим в воду.

— А остальные?

— Писца отпустим, когда заплатит его брат. Мальчишку продадим каменотёсам. За молодых сейчас дают хорошо.

— А этот?

— Этот слишком много видел.

Шаги удалились.

Харун поднялся и взялся за железные прутья. Ржавые и старые, они всё же держались крепко. Он мог позвать, угрожать, ещё раз назвать своё имя. Это ничего не меняло. Без перстня он был всего лишь избитым бродягой, утверждавшим, что ему принадлежит весь Багдад.

Никогда прежде собственный город не казался ему таким чужим.

Во дворце его ожидали четыре великих визиря, сотни стражников, придворные, полководцы и палачи. Но никто из них не знал, где он находится. В эту минуту Харун охотно обменял бы всю их мудрость, власть и преданность на одного человека, способного задать Мансуру правильный вопрос.

А между тем такой человек находился совсем близко. И, что особенно удивительно, пока ещё не получил от Харуна ни должности, ни жалованья.

#

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Жалование стражникам платили небольшое, а ночь в Багдаде наступала быстро и сулила немало опасностей. Ещё недавно солнце висело над городом, словно раскалённый медный щит, а теперь между домами уже стучалась темнота, и только верхушки минаретов ещё хранили последние отблески дня.

Насреддин дождался, пока стражники уведут пленника и толпа начнёт расходиться. Потом убрал ногу с перстня и поднял его из пыли.

На его плоской грани была искусно вырезана государственная печать.

Эту печать Насреддин видел прежде на указах, прибитых к городским воротам. Большинство указов запрещало простым людям делать то, чем знатные занимались совершенно беспрепятственно, поэтому печать Харуна ар-Рашида, повелителя правоверных, была знакома каждому, даже не умевшему читать.

Насреддин посмотрел вслед стражникам.

— Вот оно что, — тихо произнёс он.

Он раскрыл книгу, положил перстень на страницу с кругами, линиями и непонятными письменами и некоторое время разглядывал её так, будто советовался со светилами.

Светила ничего не ответили.

Впрочем, Насреддин и не нуждался в их совете. Он спрятал перстень между страницами и отправился вслед за стражниками.

До каменного дома возле Тигра он дошёл уже в сумерках. Здание стояло в узком переулке между складами красильщиков и торговцев зерном. Окон в нём было мало, зато дверей оказалось две: большая, окованная железом, выходила в переулок, а маленькая виднелась со стороны реки.

Возле большой двери сидел стражник и лениво обмахивался краем халата. Насреддин прошёл мимо, не взглянув на него, спустился к воде, обошёл здание и устроился за грудой старых корзин.

Ждать пришлось недолго.

Маленькая дверь приоткрылась, и наружу вышел молодой стражник — тот самый, что на площади отводил глаза. В руках он держал глиняный кувшин.

— Карим! — крикнули ему из дома. — И масла захвати! Светильник опять коптит!

Юноша что-то ответил и направился к рынку. Насреддин подождал, пока он свернёт в безлюдный переулок, а затем вышел ему навстречу.

Карим остановился.

— Чего тебе?

— Я хотел спросить, долгую ли жизнь ты намерен прожить?

Рука стражника сразу легла на рукоять меча.

— Убирайся.

— Это и есть твой ответ?

— Я позову товарищей.

— Зови. Вместе вы, должно быть, лучше умеете отвечать на простые вопросы.

Карим узнал его.

— Ты был на площади.

— Был.

— Следил за нами?

— Нет. Я шёл по своим делам. Просто ваши дела оказались громче моих.

Стражник оглянулся. Переулок был пуст.

— Что тебе нужно?

Насреддин вынул из книги золотой перстень и разжал ладонь ровно настолько, чтобы Карим увидел печать.

Лицо молодого стражника изменилось.

— Где ты это взял?

— Нашёл в пыли.

— Он не настоящий.

— Тогда тебе не о чем тревожиться.

Карим открыл рот, но промолчал. Он ещё раз посмотрел на печать и тяжело сглотнул.

— Перстень принадлежал человеку, которого вы привели сюда, — продолжил Насреддин. — На площади я видел, как он уронил его в пыль.

— Он назвался Харуном ар-Рашидом, — прошептал юноша. — Потом велел отвести его к начальнику стражи.

— И вы отвели?

Карим покачал головой. Когда-то, во время торжественного выезда, он видел повелителя издалика; теперь память соединяла то лицо с лицом пленника, которого они только что оставили под стражей.

— Мансур сказал, что он сумасшедший, — пробормотал Карим.

— Возможно. Властители тоже иногда сходят с ума. Особенно когда знакомятся со своими стражниками.

— Мы не знали.

— Незнание — прекрасная подушка. На ней мягко спать, но она плохо защищает шею от меча палача.

Карим прислонился к стене.

— Что мне делать?

— До рассвета ты можешь остаться одним из четырёх стражников, похитивших повелителя правоверных. А можешь стать единственным, кто его спас. Подумай хорошенько: палач непременно спросит, кем ты был.

— Если Мансур узнает, он убьёт меня.

— Если ты ничего не сделаешь, тебя прикажет убить повелитель, чьи палачи получают жалованье из казны. На твоём месте я выбрал бы врага победнее.

Карим облизнул пересохшие губы.

— Куда мне идти?

— Во дворец. Покажи перстень начальнику дворцовой стражи и расскажи всё, не прибавляя ни слова и не скрывая ни одного удара. А главное — поспеши.

— Мансур собирается вывести пленника к старой пристани ещё до полуночи.

— Поэтому ты побежишь быстрее, чем когда-либо бегал за жалованьем.

Карим протянул руку за перстнем, но Насреддин не сразу отдал его.

— Если решишь скрыться из города, запомни: с таким перстнем ты не станешь богаче. Ты лишь будешь казнён в более дорогой одежде.

— Я пойду во дворец.

— Тогда бери.

Карим спрятал перстень за пазуху, сунул кувшин Насреддину и побежал. Через несколько мгновений топот его сапог затих в лабиринте переулков.

Насреддин посмотрел на оставшийся у него кувшин.

— Странно, — подумал он. — Человек отправился спасать повелителя правоверных, но даже не спросил, кто наберёт вместо него воду.

Он наполнил кувшин в ближайшем фонтане, купил у торговца маленький сосуд с маслом и вернулся к каменному дому.

Стражник у двери смерил его подозрительным взглядом.

— Ты кто?

— Я пришёл к Мансуру.

— Зачем?

— Хочу сообщить, кто из его людей первым предаст остальных.

Стражник перестал обмахиваться халатом.

— Стой здесь.

Через минуту дверь распахнулась. На пороге появился Мансур.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что один из твоих людей уже предал вас всех. Но если тебе это неинтересно, я могу уйти.

— Заходи.

Внутри пахло маслом, потом и сыростью. На столе горел коптящий светильник. Рядом лежала дощечка, где деньги водоноса были записаны как добровольное пожертвование.

Насреддин поставил кувшин на пол и положил перед собой свою книгу.

— Где Карим? — спросил Мансур у Насреддина.

— Откуда мне знать? Разве я его начальник?

— Он пошёл за водой.

— Тогда вода должна была прийти вместе с ним. Но пришла только она.

Мансур перевёл взгляд на кувшин.

— Где он?

Насреддин открыл книгу и провёл пальцем по одной из строк.

— Судя по расположению звёзд Аль-Джаузы, он сейчас бежит на запад.

— На западе... дворец, — сказал один из стражников.

Мансур резко повернулся к нему.

— Я знаю, где дворец!

— Это радует, — заметил Насреддин. — Значит, им тоже не придётся тебя долго искать.

Мансур шагнул к нему.

— Говори прямо. Что ты имеешь в виду?

— Прямые слова стоят дороже намёков.

Мансур бросил на стол две медные монеты.

Насреддин посмотрел на них.

— За эти деньги звёзды согласны лишь молчаливо мерцать.

Мансур добавил ещё две.

— Теперь они сообщают, что один из твоих людей унёс во дворец золотой перстень Харуна ар-Рашида.

В комнате стало тихо.

— Какой перстень? — спросил Мансур.

— С печатью повелителя правоверных.

Один из стражников отступил к стене и пролепетал:

— Гончар назвал себя Харуном ар-Рашидом.

— А у гончара был перстень? — спросил Мансур.

— Не было у него никакого перстня! — отрезал стражник. — Мы его обыскали.

— Вы обыскали человека, — сказал Насреддин. — А следовало обыскать площадь.

Мансур схватил его за ворот халата.

— Кто этот гончар?

— Он уже сказал вам.

— Он всего лишь сумасшедший нищий.

— Тогда зачем ты собираешься утопить его в Тигре?

Пальцы Мансура разжались.

Стражники переглянулись.

— Он слышал, — произнёс один.

— Ничего он не слышал, — сказал Мансур. — Карим ему рассказал.

— Значит, Карим и вправду сбежал во дворец, — пробормотал другой.

Мансур выхватил меч.

— Догони его!

Стражник двинулся к двери.

— Можешь не спешить, — сказал Насреддин. — К этому времени Карим уже миновал Большую мечеть. Если Аллах подарил тебе крылья, ты ещё успеешь. Правда, тогда начальник дворцовой стражи удивится, увидев вооружённого мечом ангела.

Стражник остановился.

— Не слушай его! — крикнул Мансур.

— Почему? — спросил Насреддин. — До сих пор мои слова сбывались точнее твоих приказов. Ты послал Карима за водой, а он отправился во дворец. Ты хотел утопить безвестного гончара, а поймал самого халифа. Пожалуй, тебе следовало бы платить мне жалованье за мои советы.

— Если он халиф, — произнёс стоявший у стены стражник, — нам конец.

— Не вам, — возразил Насреддин. — Пока ещё не всем вам.

Мансур повернулся к нему.

— Что это значит?

— Это значит, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид пока жив. Карим сейчас рассказывает во дворце, где его держат. Тот, кто первым откроет узнику дверь, сможет сказать, что спас его. Второй будет утверждать на суде, что помогал. Третий — что пытался помешать преступлению. Ну а последний...

Насреддин посмотрел на Мансура.

— Последнему придётся объяснять, почему именно он приказал привязать к ногам халифа камень.

Мансур побагровел.

— Он лжёт! Мы все были на площади. Мы все его схватили. Если виноват я, виноваты и вы!

— Верно, — сказал Насреддин. — Только казнят людей по одному. И каждый надеется, что очередь до него не дойдёт.

На улице послышался далёкий стук копыт.

Мансур поднял меч.

— Убить пленника! Потом скажем, что его здесь не было.

Никто не двинулся.

— Вы не слышали?

— Слышали, — ответил один из стражников. — А вдруг это и правда он?

— Теперь уже поздно, — сказал Насреддин. — Перстень во дворце. Карим даёт показания. Если халиф исчезнет, его будут искать в реке. А если его найдут в реке, начнут искать тех, кто купил верёвку и камень. В Багдаде много верёвок и ещё больше камней, но трусливых стражников, способных утопить безоружного человека, всего четверо.

Копыта приближались.

Мансур бросился к двери, ведущей в подвал.

Один из стражников преградил ему путь.

— Отойди.

— Отдай ключ.

— Я сказал, отойди!

Мансур замахнулся мечом, но второй стражник ударил его сзади тяжёлой дубинкой по затылку. Мансур пошатнулся. Первый стражник навалился на него, и все трое рухнули на пол, опрокинув стол.

Насреддин спокойно поднял светильник, прежде чем разлившееся масло успело загореться.

— Осторожнее, почтенные, — сказал он. — Если вы сожжёте халифа, спасать будет уже некого.

Стражники вырвали у Мансура ключи и бросились в подвал. Харун сидел у стены, прислушиваясь к шуму наверху. Когда дверь открылась, он поднялся.

— О, повелитель правоверных! — выпалил один из стражников и упал на колени. — Мы не знали! Мансур обманул нас! Мы хотели спасти тебя!

— Все сразу? — спросил Харун.

Стражник растерянно оглянулся на товарища.

— Я хотел первым.

— Нет, я первый отнял у него ключи!

— А я ударил его!

— Обсудите это позже, — сказал Харун. — Выпустите остальных пленников.

Тощий писец выбрался из соседней камеры, придерживая разорванный халат. За ним появился мальчишка с разбитой губой.

— Я знал, что он наш халиф, — объявил мальчишка. — Сразу понял.

— Ты назвал его сумасшедшим, — напомнил писец.

— Я сказал, что халиф сошёл с ума. Это совсем другое.

Наверху раздался грохот. Железная дверь распахнулась, и в помещение ворвались воины дворцовой стражи. Вслед за ними вошёл Карим. Он тяжело дышал, лицо его блестело от пота, но золотой перстень по-прежнему был зажат в руке.

Увидев Харуна, начальник дворцовой стражи пал на колени.

Мансур лежал возле перевернутого стола. Теперь он уже не казался ни широкоплечим, ни грозным. Он лишь часто моргал, словно надеялся очнуться в другом месте.

— Взять всех, — приказал Харун. — Каждого держать отдельно. Утром я выслушаю их по очереди.

Карим опустился на колени рядом с остальными.

— И меня, повелитель? Моё имя Карим. Это я предупредил дворец.

Харун посмотрел на него.

— И тебя. Но до рассвета у тебя будет время вспомнить всё, что происходило здесь за последние три месяца. Если твоя память окажется достаточно хорошей, я, возможно, тоже кое о чём забуду.

Карим коснулся лбом пола.

— А этих двоих освободить, — продолжил Харун, указывая на писца и мальчика. — Узнайте, сколько денег взяли у водоноса, и верните ему вдесятеро больше. Не из казны — из имущества этой гиены, — сказал Харун, кивнув на Мансура.

Карим, опомнившись, поспешно передал перстень начальнику дворцовой стражи, а тот — халифу. Насреддин стоял у стены, держа под мышкой книгу. Харун заметил его не сразу. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Значит, это ты подобрал перстень, — догадался Харун.

— Я лишь не позволил ему остаться в пыли, — ответил Ходжа.

Государь надел перстень на палец.

— Как ты понял, кому он принадлежит?

— По печати.

— Печать можно украсть.

— Можно. Но вор, завладевший печатью халифа, не станет вмешиваться в спор из-за нескольких медных монет. Он постарается поскорее покинуть Багдад. А ты вместо этого потребовал отвести тебя к начальнику стражи. Так поступают либо властители, либо безумцы.

— И кого же ты увидел перед собой?

— Я решил подождать. Иногда разница между властителем и безумцем становится заметна лишь после того, как за ним закрываются двери темницы.

Харун едва заметно улыбнулся.

— Почему ты выбрал Карима?

— Я выбрал не самого честного, повелитель. Я выбрал того, кто сильнее остальных хотел дожить до утра.

Карим, всё ещё стоявший на коленях, поднял голову, но ничего не сказал.

— Ты мог взять перстень и потребовать награду, — продолжил Харун.

— Мог.

— Почему не потребовал?

— Я ещё не решил, какая награда мне нужна.

— Тогда подумай до завтра.

— А что будет завтра?

— Ты придёшь во дворец.

Насреддин посмотрел на свою запylённую одежду.

— Меня не пропустят.

— Пропустят.

— В таком случае, повелитель, твоя дворцовая стража работает ещё хуже городской.

На этот раз Харун рассмеялся.

— Как твоё имя?

— Ты слышал его в чайхане.

— Я хочу услышать ещё раз.

Насреддин прижал книгу к груди и поклонился.

— Ходжа Насреддин из Бухары.

Харун некоторое время рассматривал его, словно старался понять, кто перед ним: бродяга, мудрец, мошенник или человек, способный доставить государю больше хлопот, чем все четверо великих визирей вместе взятые.

— Приходи завтра после полудня, Ходжа Насреддин.

— Зачем?

— Во дворце пропала одна очень ценная для меня вещь и ни мои визири, ни мудрецы не могут её найти. Не говоря уже о страже: та, похоже, давно растащила бы дворец по камню, если бы не топор палача.

Харун сурово посмотрел на связанного Мансура.

Насреддин проследил за его взглядом и задумчиво погладил переплёт книги.

— Хорошо, повелитель. Я приду.

Харун кивнул на книгу.

— Что это за книга?

— Это книга пророчеств и тайных звёздных знаков. По ней я читаю настоящее, прошлое и будущее. Благодаря ей Мансур узнал, что один из его людей предаст его и спасёт тебя, повелитель.

— И это было в ней написано?

— Именно так. Но письма в ней настолько мудрёные, что прочитать их могут лишь двое на всём белом свете: я и великий китайский мудрец, отдавший мне книгу в благодарность за спасённую жизнь.

Воины вывели Мансура и его людей на улицу. Следом ушли освобождённые пленники. Последним вышел Харун.

Насреддин задержался у опрокинутого стола, взял те медные монеты, которыми Мансур заплатил за пророчество, и спрятал их в пояс.

Предсказание сбылось, а честный труд, как известно, должен быть оплачен.

#

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Оплаченное таким странным образом пророчество принесло Насреддину три приобретения: приглашение во дворец, плотный ужин и крепкий сон на кошме. Первое ещё могло обернуться неприятностями, зато последние два были несомненно полезны. За ужин и койку Ходжа отдал ровно половину своего богатства — два медных даника.

Утром Насреддин проснулся в караван-сарай и умылся водой, за которую хозяин запросил столько, словно её доставили с горных вершин в серебряных кувшинах. Потом отправился искать завтрак.

Ещё одной монеты хватило на лепёшку, кусок козьего сыра и чашку горячего чая. Последний даник Насреддин сохранил. Человек, имеющий за поясом хотя бы одну монету, может выбирать между голодом и сытостью. Человек, не имеющий ни одной, выбора не имеет вообще.

После полудня он подошёл к дворцу.

Вблизи дворец Харуна ар-Рашида выглядел ещё величественнее, чем издали. Высокие стены были сложены из светлого камня, ворота обиты бронзой, а над ними развевались чёрные знамёна Аббасидов. По обе стороны от входа стояли стражники в сверкающих доспехах, всем своим видом показывая, что охраняют повелителя правоверных не только от врагов, но и от людей в запylённых халатах вроде Ходжи.

— Стой! — приказал один из них. — Куда идёшь?

— Во дворец.

— Я вижу. Зачем?

— Меня пригласил сам Харун ар-Рашид, повелитель правоверных.

Стражники переглянулись.

— Сам пригласил?

— Лично, — уточнил Насреддин.

— Как твоё имя?

— Ходжа Насреддин.

Первый стражник обратился ко второму:

— Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Ничего.

— Вот видишь, — сказал первый. — Нам твоё имя ничего не говорит.

— Ваши имена мне тоже ничего не скажут, — ответил Насреддин. — Однако я не мешаю вам стоять возле ворот дворца.

— Убирайся, пока тебя не прогнали палками.

Насреддин вздохнул, достал свою книгу и раскрыл её на середине.

— Что ты делаешь? — спросил стражник.

— Хочу узнать, кого из вас накажут первым и как именно, когда повелитель спросит, почему его гостя не пустили во дворец.

Оба невольно заглянули в книгу.

— И что там написано?

Насреддин провёл пальцем по странице.

— Знаки пока неясны. Вероятно, виновному ещё дана возможность избежать палок и послать за дворцовым распорядителем.

Стражники снова переглянулись.

— Стой здесь, — сказал второй и скрылся за воротами.

Вернулся он не один. Вместе с ним появился сухопарый старик в белом одеянии. На его поясе висело множество ключей, а лицо выражало привычное неудовольствие человеком, которого целыми днями отвлекали от чрезвычайно важных дел другие чрезвычайно важные дела.

— Ты Ходжа Насреддин из Бухары?

— Если во дворце ждут именно его, то я.

Старик осмотрел запylённый халат, стоптанные сапоги и торчащую из-за пояса книгу.

— Повелитель приказал провести тебя к нему.

— Я всегда верил в мудрость этой книги, — сказал Насреддин, закрывая её и насмешливо глядя на стражников. — Она снова спасла невиновных от наказания.

Стражники вытянулись и постарались не смотреть друг на друга. Насреддина провели через несколько дворов, окружённых галереями и садами. Здесь журчали фонтаны, цвели розы, по мраморным плитам бесшумно скользили слуги. Всего в нескольких улицах отсюда водонос терял половину дневного заработка из-за людей Мансура, но во дворце воды было столько, что ею омывали камни. В одной из галерей Насреддин задержался, рассматривая большой серебряный сосуд.

— Не отставай, — сказал распорядитель.

— Я размышляю.

— О чём?

— Сколько бедняков можно напоить той водой, которую вы ежедневно выливаете в эти фонтаны?

— Фонтаны украшают дворец.

— Значит, камни здесь страдают от жажды сильнее людей.

Старик поджал губы и больше с ним не разговаривал.

Харун ждал Насреддина в небольшой комнате, окна которой выходили в сад. На государе был тёмно-зелёный халат, расшитый золотом. Следы вчерашней драки скрыть не удалось: возле скулы проступил синяк, а нижняя губа была рассечена.

— Оставь нас, — приказал он распорядителю.

Когда дверь закрылась, Насреддин поклонился.

— В этом одеянии ты действительно больше похож на халифа, повелитель.

— А вчера?

— Вчера ты больше походил на гончара, который считает себя халифом.

Харун коснулся разбитой губы.

— Мансур и его люди признались. Трое утверждают, что только выполняли приказы. Мансур говорит, что собирался вывести меня к реке исключительно ради моей безопасности.

— Видимо, он хотел спрятать тебя на дне, где до тебя не доберётся ни один враг.

— Карим рассказал обо всём, что происходило в караульном доме. Не только вчера. За три месяца люди Мансура ограбили больше сотни торговцев и ремесленников. Часть денег передавали начальнику городской стражи.

— А тот?

— Утверждает, что получал подарки.

— В Багдаде удивительно щедрые бедняки. Последнюю монету отдадут человеку с мечом и даже не попросят благодарности.

— Начальник стражи уже арестован. Расследование продолжится.

Насреддин кивнул, но промолчал. Харун задержал на нём взгляд.

— Если есть что сказать — говори.

— Кто будет вести расследование, повелитель?

— Визирь Касим аль-Марвази. Он надзирает за судами, тюрьмами и городской стражей.

— А кто расследует действия почтеннейшего визиря Касима аль-Марвази?

Харун посмотрел на него внимательнее.

— Ты всегда находишь о чём спросить?

— Не всегда, повелитель. Иной ответ настолько красноречив, что дальше спрашивать незачем.

Государь прошёл к окну и некоторое время смотрел на сад.

— Я позвал тебя не для разговора о Мансуре.

— Я догадался. Для поимки одного стражника-вора тебе не понадобился бы человек, умеющий читать прошлое и будущее.

— Ты действительно умеешь это делать?

Насреддин положил книгу на стол.

— Какое именно время интересует тебя, повелитель?

— Прошлое.

— Вчера ты потерял перстень, был избит собственной стражей и провёл часть ночи в подвале.

— Это известно без всякой книги.

— Значит, начнём с будущего.

— Что произойдёт завтра?

— Наступит новый день.

— И всё?

— Для многих жителей Багдада этого вполне достаточно.

Харун улыбнулся.

— Во дворце пропала одна очень ценная вещь. И я хочу, чтобы ты её нашёл.

— Почему не поручишь это своим визирям?

— Уже поручил.

— И что они нашли?

— Три способа обвинить друг друга.

Харун хлопнул в ладони. Дверь открылась, и распорядитель ввёл в комнату четверых мужчин.

Первым вошёл Абу Амин.

Он двигался без спешки, свойственной людям, которых всё равно будут ждать. Его седая борода была тщательно расчёсана, одежда не отличалась вызывающей роскошью, а на правой руке виднелся перстень с государственной печатью. Абу Амин быстро взглянул на Насреддина, на его книгу и на стоявшие у двери запylённые сапоги. Казалось, он уже запомнил каждую подробность и теперь размышлял, какая из них пригодится раньше остальных.

Следом появился Юсуф ибн-Сахль, ведавший казной, податями и торговлей. Он был невысок, круглолиц и носил несколько драгоценных перстней. Его пальцы постоянно двигались, словно даже во время разговора пересчитывали невидимые монеты.

Третьим вошёл Касим аль-Марвази. Узкое лицо, чёрная борода и неподвижный взгляд делали его похожим на судью, который заранее вынес приговор и теперь терпеливо ждал признания обвиняемого.

Последним появился военный визирь Халид ибн-Хамдан. Он был выше остальных, широк в плечах и носил меч даже во внутренних покоях. Левую бровь пересекал шрам, оставшийся с тех времён, когда почести он добывал на поле боя, а не в дворцовых коридорах.

Четверо визирей поклонились государю.

— Этот человек, — сказал Харун, указывая на Насреддина, — звездочёт из Бухары. Его зовут Ходжа Насреддин.

— Звездочёт? — переспросил Халид и недоверчиво посмотрел на книгу.

— И толкователь тайных знаков, — поспешил добавить Насреддин.

— Повелитель, — произнёс Касим, — пропавшую вещь следует искать при помощи дознания, а не звёзд.

— Ты провёл дознание, — напомнил Харун.

— Слуги лгут.

— После беседы с твоими людьми слуги признаются даже в том, что украли луну, — заметил Юсуф ибн-Сахль. — Но кубок от этого не найдётся.

— Если бы казначейство вело точный учёт дворцовых ценностей...

— Кубок никогда не принадлежал казначейству.

— Довольно, — сказал Харун.

Визирь замолчал.

Насреддин устроился возле стола, раскрыл книгу и спросил:

— Что это за кубок?

Юсуф ибн-Сахль ответил прежде государя:

— Чаша из красного золота весом в двести восемьдесят мискалей. Две ручки в виде львиных голов, по краю — двенадцать изумрудов, на ножке...

— Я спросил, что это за кубок, а не сколько за него дадут на рынке.

Юсуф нахмурился.

Харун сказал:

— Его подарил мне отец в день, когда объявил своим наследником. Внутри выгравированы его слова: «Власть подобна наполненной чаше: слабый роняет её, жадный расплёскивает, мудрый делится с другими».

— А с кем делишься ты, о повелитель? — простодушно спросил Насреддин.

В комнате стало тихо.

Халид ибн-Хамдан кашлянул, скрывая усмешку. Касим посмотрел на Насреддина так, словно уже выбирал для него подходящую камеру.

— Я не звал тебя рассуждать о моей власти, — гневно ответил Харун.

— Повелитель, я спрашивал лишь о воде. С кем ты делишь этот кубок? Кому ещё дозволено пить из него?

— Никому. Из него пью только я.

Насреддин кивнул и склонился над раскрытой книгой.

Абу Амин первым вернулся к делу:

— Кубок хранился в Зале даров. Три дня назад служители готовили зал к празднеству и обнаружили пропажу.

— Кто имеет туда доступ? — спросил Насреддин.

— Повелитель, четверо великих визирей, хранитель дворца и шестеро слуг, — ответил Касим.

— Их обыскали?

— Разумеется.

— Их дома?

— Тоже.

— Их семьи?

— Допросили.

— Соседей?

— Проверили.

— А сам Зал даров?

Касим нахмурился.

— Кубка там нет.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Зал осмотрели мои лучшие люди.

— Значит, теперь его должен осмотреть кто-нибудь похуже.

Харун жестом остановил Касима, готового возразить.

— Проведите его туда.

— Повелитель, — сказал Абу Амин, — могу ли я узнать, почему тайна государственной важности доверена неизвестному страннику?

— Потому что все известные мне люди уже ничего не нашли.

— Его появление вызовет ненужные разговоры.

— Тогда придумай для него должность, которая не вызовет этих разговоров.

Абу Амин снова посмотрел на книгу.

— Придворный звездочёт?

— У меня уже есть трое, — сказал Харун.

— Тогда четвёртый никого не удивит, — заметил Насреддин. — Даже звёзды редко различают своих толкователей.

Государь кивнул.

— До окончания расследования Ходжа Насреддин будет находиться во дворце как приглашённый звездочёт. Ему разрешено осматривать помещения и беседовать со слугами. Всё, что он узнает, он сообщит лично мне.

— Через кого он будет получать приказания? — спросил Абу Амин.

— Через меня.

Лицо первого визиря осталось непроницаемым, но пальцы его на мгновение коснулись перстня с государственной печатью.

— Как будет угодно повелителю.

Зал даров занимал дальнюю часть дворца. Его высокие двери охраняли двое воинов, а на бронзовых ручках висела новая печать Касима аль-Марвази.

Внутри вдоль стен стояли сундуки, оружие, статуи, драгоценные сосуды и дары, присланные правителями далёких земель. Здесь хранились индийские ткани, византийские иконы, китайский фарфор, дамасские мечи и золотая клетка, в которой некогда доставили белого сокола. Сокола давно не было в живых, но клетку продолжали хранить: во дворцах память о дорогих подарках часто живёт дольше тех, кому они предназначались.

Кубок прежде стоял в застеклённой нише. Теперь на синей бархатной подушке осталось лишь круглое углубление.

— Замок не повреждён, — сказал Касим. — Ключи находились у хранителя.

— Где он?

— Под стражей.

— Признался?

— Пока нет.

— Раз ты, почтенный визирь, уже решил, что он виновен, дело за малым: осталось только добиться его согласия.

Касим промолчал.

Насреддин достал кубок меньшего размера, стоявший в соседней нише, и поставил его на бархатную подушку.

— К вещам в этой зале прикасаться запрещено! — приказал Юсуф. — Достаточно одного пропавшего кубка.

Насреддин придержал его за ножку.

— Тогда не спускай с него глаз, почтенный. Вдвоём мы уж как-нибудь сумеем его не потерять.

Насреддин убрал кубок обратно и внимательно осмотрел подушку. Затем понюхал её, провёл пальцами по ткани и посмотрел на внутреннюю сторону дверцы.

— Когда в последний раз видели пропавшую чашу?

— Семь дней назад, — ответил Абу Амин. — Хранитель проверял все предметы перед празднеством.

— А исчезновение обнаружили три дня назад?

— Да.

— Значит, кубок исчез в один из этих четырёх дней.

— О, мудрейший звездочёт, это мы установили сразу, — с насмешкой произнёс Касим.

— Тогда расследование продвинулось дальше, чем я думал. У вас есть всего-навсего четыре дня, о которых вы ничего не знаете.

Насреддин опустил на колени и заглянул под нишу. Там лежали засохший лепесток розы, две песчинки и крошечный кусочек тёмного воска.

Он поднял воск ногтем и положил на ладонь.

— Чья печать стояла на дверце?

— Моя, — ответил Касим.

— Она была повреждена?

— Нет.

— А теперь?

— После обнаружения пропажи я заменил её.

— Где старая печать?

— У писца, ведущего записи.

— Пусть её принесут.

Касим послал слугу. В ожидании Насреддин осмотрел петли и край ниши. Возле нижней планки, удерживавшей стекло, на тёмном дереве виднелась узкая светлая полоска; Ходжа провёл по ней ногтем и сделал пометку на свободном листе своей книги. Затем закрыл дверцу и несколько раз повернул ключ.

Через некоторое время слуга вернулся с небольшим кусочком воска, на котором сохранился отпечаток печати.

Насреддин положил рядом найденную крошку.

Воск оказался одного цвета.

— И что это доказывает? — спросил Касим. — При открытии печать могла раскрошиться.

— Могла.

— Тогда находка бесполезна.

— Человек, который заранее объявляет находку бесполезной, обычно боится, что она окажется полезной.

— Ты обвиняешь меня?

— Пока я только слушаю, как ты обвиняешь себя.

Касим шагнул к нему, но Абу Амин остановил его движением руки.

— Продолжай, звездочёт.

Насреддин посмотрел на первого визиря.

— Ты единственный здесь не спешишь ни оправдываться, ни обвинять других.

— Я предпочитаю сначала узнать, по какой дороге направляют нас твои мысли.

— Разумно. Особенно если собираешься столкнуться с ней кого-нибудь другого.

Абу Амин улыбнулся.

— Теперь я понимаю, почему повелитель привёл тебя во дворец.

Насреддин некоторое время разглядывал раскрытую книгу, затем поднял глаза на Абу Амина.

— Мне нужно вернуться с докладом к повелителю, о почтенный Абу Амин.

— Как?! Разве твой разум уже увидел свет истины?

— Пока нет. Моя мудрость не настолько глубока, как кажется. Придётся спросить совета у звёзд. Но кое-что здесь я всё-таки увидел и должен рассказать об этом повелителю.

— Отведите его к повелителю, — приказал визирь.

Когда Ходжа вошёл в зал, Харун ар-Рашид рассеянно смотрел в окно. Насреддин дождался, пока тот обратит на него внимание.

— Повелитель, позволь мне задать тебе несколько вопросов наедине.

Харун обвёл взглядом слуг.

— Оставьте нас.

Когда двери закрылись, Насреддин подошёл ближе к государю и продолжил разговор почти шёпотом.

— По каким случаям тебе подают этот кубок?

— Раз в год в день восшествия на престол. Я принимаю послов, военачальников и наместников, а чашу по обычаю наполняют водой из источника Замзам.

— Когда состоится празднество?

— Через неделю.

— А в остальное время кубок хранится в Зале даров?

— Да.

Насреддин на мгновение задумался.

— Значит, в остальное время им не пользуются?

— Никогда.

— И за все годы никто не пытался его украсть?

— Нет.

— Хотя о нём знали сотни людей, а золота и драгоценных камней в нём хватит, чтобы небогатый человек до конца жизни жил безбедно?

— К чему ты ведёшь? — спросил Харун.

— Меня тревожит, что кубок исчез перед празднеством. Именно теперь, когда его должны наполнить водой и подать тебе.

— Возможно, вору только сейчас представилась возможность, — сказал Харун.

— Возможно. Вор мог давно уйти из Багдада, а кубок — превратиться в слиток. Но меня больше беспокоит другое: что будет, если чашу найдут и вернут?

— Её осмотрит хранитель.

— Он узнает вещь, за которую отвечает. Но сможет ли сказать, что с ней делали, пока она была в чужих руках?

Харун некоторое время молчал, затем наклонился к Насреддину.

— Ты думаешь, её украли, чтобы вернуть?

— Я думаю, что к возвращённой вещи отнесутся с меньшей осторожностью, чем к той, которую приносят впервые. Все будут рады, что пропажа нашлась, особенно если вместе с ней приведут вора. Его накажут, хранителя освободят, и ты получишь чашу из рук человека, который служил тебе много лет.

— Ты подозреваешь покушение?

— Пока я только объясняю, почему не стану радоваться находке, повелитель. Из этого кубка пьёшь ты, и тот, кто его взял, тоже об этом знает.

Харун медленно выпрямился.

— Что окажется в кубке, когда его вернут?

Насреддин провёл пальцем по тёмному воску и ответил:

— Яд.

#

ГЛАВА ПЯТАЯ

Яд клеветы Касим аль-Марвази предпочитал прочим ядам: за ним не требовалось посылать в дальние страны, а если жертва оставалась невредимой, всегда можно было сказать, что тебя просто неверно поняли.

Однако сейчас Касим был слишком разгневан, чтобы воспользоваться испытанным средством как следует.

— Невежественный бродяга! — произнёс он, едва двери Зала даров закрылись. — Пришёл с базара, раскрыл какую-то книгу и уже поучает людей, управляющих государством!

Юсуф ибн-Сахль поправил перстень на пухлом пальце.

— Хуже всего, что повелитель велел ему оставаться во дворце. Теперь ему придётся назначить содержание.

— Тебя беспокоит его содержание?

— А тебя, я вижу, только его вопросы.

Касим резко повернулся к нему, но казначей уже поклонился Абу Амину и направился к лестнице. Халид ибн-Хамдан ушёл ещё раньше, не пожелав принимать участия в споре. Военный визирь предпочитал противников, которые хотя бы открыто держали оружие в руках.

Первый визирь остановился возле колонны. Из сада доносилось журчание воды. Двое слуг, увидев, кто беседует в галерее, поспешно свернули в боковой проход.

— Следовало бы проверить эту его книгу, — продолжил Касим. — Во дворце достаточно учёных, способных отличить мудрость созвездий от каракулей.

— И что ты намерен доказать? — спросил Абу Амин.

— Что он обманщик.

— Допустим. Ты приведёшь учёных, они объявят книгу бессмысленной, а повелитель спросит, нашли ли твои люди кубок. Что ты ответишь?

Касим промолчал.

— Прежде чем объявить человека плутом и глупцом, полезно выяснить, за какие заслуги ему открыли двери дворца, — сказал Абу Амин.

— Повелитель верит его пророчествам.

— Возможно.

— А как, по-твоему, он попал во дворец?

Первый визирь не ответил, Касим нахмурился.

— Ты что-то знаешь о нём?

— Пока недостаточно.

Абу Амин двинулся по галерее. Касим пошёл рядом.

— Узнай, где он остановился, с кем встречался и кто привёл его к повелителю. Только постарайся на этот раз сначала расспросить людей, а уже потом пугать их тюрьмой и бить палками.

— Ты защищаешь этого бухарца?

— Я хочу услышать, что о нём знают наверняка. Под палками же мне расскажут не правду, а лишь то, что я желаю услышать.

На этом разговор закончился.

У лестницы Абу Амин подозвал одного из своих слуг и негромко отдал ему приказание. Слуга поклонился и ушёл тем быстрым, бесшумным шагом, которым во дворце переносили чужие тайны.

Харун всё ещё стоял возле опустевшей ниши — он пожелал лично осмотреть место пропажи после того, как услышал слово «яд» из уст Насреддина. Дело, если звёзды не врали, принимало серьёзный оборот.

— На празднестве мне подадут другую чашу, — сказал он наконец. — Если эту найдут, без моего приказа никто не должен к ней даже прикасаться.

Насреддин поклонился.

— И не вздумай рассказывать о своих подозрениях кому-либо ещё.

— Я потому и попросил поговорить наедине, повелитель.

— Теперь мне нужны основания для твоих слов.

— Если тебе нужны основания, то мне нужен хранитель.

Харун хлопнул в ладони.

Появился дворцовый распорядитель. Государь велел передать хранителя начальнику внутренней стражи и позволить Насреддину говорить с ним без посторонних. До нового приказа допрашивать старика кому-либо ещё запрещалось.

Распорядитель выслушал всё с непроницаемым лицом. Он служил во дворце достаточно давно, чтобы понимать: когда узника передают в другие руки, это часто означает перемену не только в судьбе узника.

— А ты, — обратился Харун к Насреддину, — помни, зачем находишься здесь. Я жду от тебя кубок и имя того, кто его взял.

— Боюсь, на пути к этому имени мне придётся распутать замысловатый узел других имён.

— Действуй. Но не объявляй каждого встречного вором.

Насреддин прижал руку к груди.

— Для этого у тебя уже есть люди, повелитель.

Харун посмотрел на него так, что Ходжа счёл беседу оконченной и, поклонившись, удалился.

Хранителя привели в небольшую комнату рядом с помещением внутренней стражи. Здесь стояли низкий стол, деревянная скамья и сундук с факелами. Узкое окно выходило во двор, где на верёвках сушилось бельё.

Насреддин успел подумать, что белая простыня за окном полезнее многих дворцовых занавесей: даёт тень и не требует ни шёлка, ни золотого шитья. Потом он увидел узника.

Хранитель был стар. Его седая борода сбилась набок, у виска запеклась кровь, а пальцы левой руки распухли настолько, что он поддерживал её правой, словно боялся лишний раз пошевелить. Войдя, он остановился у порога и привычно втянул голову в плечи, ожидая удара или окрика.

Ни того, ни другого не последовало.

— Садись, — сказал Насреддин.

Старик опустился на край скамьи.

Стражник остался возле двери.

— Нас велено оставить вдвоём, — напомнил Ходжа.

Тот вышел.

Некоторое время хранитель смотрел в пол. Насреддин не торопил его. Он раскрыл книгу, задумчиво перелистнул несколько страниц, затем подошёл к двери и попросил принести воды, хлеба и немного похлёбки.

Старик поднял голову.

— Мне?

— Если ты уже пообедал, я с удовольствием поем сам.

— Я не брал кубок.

— Тебя как зовут?

— Абдаллах.

— Давно служишь во дворце, Абдаллах?

— Тридцать второй год.

Насреддин посмотрел на его израненную руку.

Тридцать два года старик принимал, пересчитывал, протирает от пыли и оберегал чужое богатство. Теперь богатство недосчиталось одной вещи и потребовало объяснений. А когда ответ его не устроил, принялось ломать старику пальцы.

Принесли еду.

Абдаллах смотрел на миску, но не притрагивался к ней.

— Ешь, — сказал Насреддин.

— Потом опять будет допрос?

— Будет.

Старик отодвинул миску.

— Тогда лучше сразу.

Насреддин закрыл книгу.

— Послушай, почтенный. Я не знаю, кто взял кубок. Если бы знал, мне незачем было бы здесь сидеть. Но тебя я выслушаю до конца и не стану перебивать.

Абдаллах долго смотрел на него. Потом придвинул миску и взял ложку здоровой рукой.

Ходжа отошёл к окну.

Во дворе служанка снимала высохшее бельё. Где-то спорили о пропавшей корзине с луком. Крикливый голос уверял, что корзина не могла уйти сама, а другой отвечал бранью и предложением идти к чёрту со своим луком.

Насреддин едва заметно усмехнулся.

Когда старик поел, Ходжа налил ему воды.

— Теперь расскажи, когда ты в последний раз видел кубок.

— Семь дней назад. Мы сверяли опись перед празднеством. Я вынул его из ниши, осмотрел ручки, камни, ножку. Всё было цело.

— Кто находился рядом?

Абдаллах назвал двух слуг и писца Касима аль-Марвази.

— Писец наложил печать, — продолжил он. — Я запер дверцу, он опечатал. Так всегда делают после осмотра.

— А три дня назад?

— Меняли бархат в нишах. Старый выцвел. Когда подошли к этой... — Абдаллах запнулся. — Я сам открыл дверцу.

— Печать была цела?

— Да.

— Ты хорошо посмотрел?

Старик кивнул.

— Меня уже спрашивали.

— А замок?

— Тоже цел. Ключ повернулся как всегда.

— Где ты держал ключ?

Абдаллах коснулся груди.

— На шнурке, под одеждой. Вместе с остальными. Их отняли, когда меня увели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.